

26 апреля - День памяти Чернобыльской трагедии

После взрыва на АЭС

В тот далёкий день 26 апреля 1986 года, когда случилась авария на Чернобыльской атомной электростанции, люди не знали о масштабе трагедии, а тем более не предполагали, что спустя некоторое время этот день будет назван в календаре как День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах. Сообщение о взрыве в Чернобыле быстро разлетелось по стране. В тот же день о чрезвычайном происшествии узнали и жители нашего района. Сразу же срочно уехала на Украину молодая девушка, работавшая в нашем районе экономистом: говорили, что в городе Припять живёт и работает на Чернобыльской АЭС её родной брат. Воинов запаса отправляли на ликвидацию аварии. За период с 1986 по 1990 годы на устранение последствий взрыва на реакторе из нашего района побывали более десятка человек. В их числе был и тогда ещё неженатый двадцатидевятилетний Александр Дмитриев из Беловодовки, работавший трактористом в колхозе имени Карла Маркса.

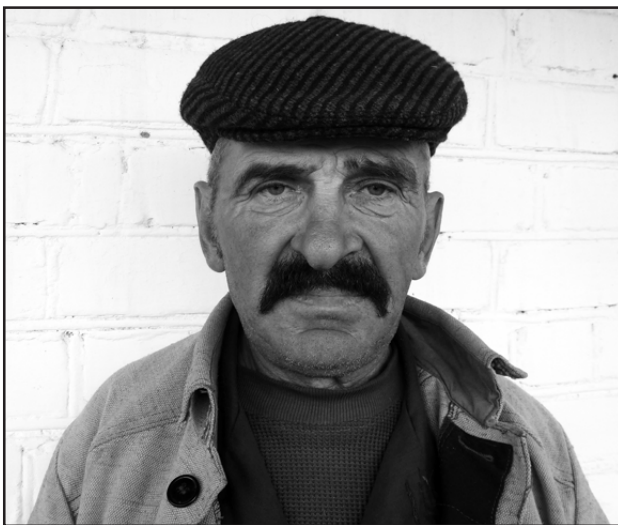
- После срочной службы в армии прошло девять лет, но я, оставаясь воином запаса, команди-

ровку в Чернобыль расценил как исполнение воинского долга, - вспоминает сегодня Александр Васильевич. - Отправлялись нас тогда в 1987 году из района девять человек, среди которых были Александр Славкин, Анатолий Кырнов, Сергей Ефремов и Виктор Ефремов. Виктор умер около двух лет назад... Прошли мы медкомиссию. Несколько человек "отфутболили" по состоянию здоровья, а тех, кого признали годными к службе, собрали в училище связи. Нас переклели в солдатскую форму, а на другой день отправили в Новосибирск. Там к нам подтянулись ребята с Алтая и Кемерово - и все вместе полетели мы на Украину. Самолёт приземлился в аэропорту города Беля Церковь, недалеко от Киева. Погрузили нас на военные ЗИЛы и доставили в Сибирский полк.

По рассказу Александра Дмитриева, сначала около полутора месяцев он прослужил в этом полку. Ежедневно в составе роты вместе с другими однополчанами Александр выезжал в села, расположенные в радиусе шестидесяти километров от Чернобыля. Проверяли уровень радиации в жилой зоне, снимали "фона-

щую" соломой с крыш домов, убирали деревья, почву и всё, что представляло хоть какую-то опасность. Всё это утилизировали: закапывали в

вание в заражённой зоне было строго ограничено, поэтому особенно тщательно следили за показаниями дозиметра. Даже в специальных защитных

глубокие ямы и засыпали землёй. Александр Васильевич говорит, что радиоактивные деревья не только нельзя было пилить, но и сжигать, поскольку радиация сохранялась и в древесном пепле. Обычно к месту назначения роту солдат доставляли на так называемой чистой машине, а по заражённой зоне перемещались они уже на "грязном" транспорте. Пребыва-

ние в заражённой зоне было строго ограничено, поэтому особенно тщательно следили за показаниями дозиметра. Даже в специальных защитных костюмах и респираторах можно было получить высокую дозу облучения. От Александра Васильевича узнала о том, что даже половина рентгена в день не могла пройти бесследно для здоровья. Вопрос состояния здоровья солдат держало под своим неусыпным контролем и командование. Случаи же пребывания ликвидаторов выше установленного времени рассматривались, как

грубейшие нарушения, за которые несли ответственность офицеры.

- Первыми обследовали участки разведчики, которые и информировали о том, сколько у нас есть времени для работы, - продолжал свой рассказ чернобылец. - Иногда работали в зоне по часу - полтора, а бывало, что не успевали даже из машины выбраться и дойти до объекта. Что можно было сделать за тридцать секунд! По команде "отбой" мы возвращались обратно, а на смену нам выходила из машины уже другая группа. Через три дня выдавали новую одежду, потому что прежний защитный костюм уже "фонил". В составе полка были солдаты разных национальностей, но все выполняли одно дело - чистили заражённую территорию.

Особого страха Александр Дмитриев не испытывал, но опасения за своё здоровье у него всё же были. Несмотря на то, что территорию самой АЭС забросали с вертолётов свинцовыми плитами, сдерживавшими уровень радиации, о спокойствии не могло быть и речи. Разве что мародёрам, растаскивавшим "Волги" с автомобильного завода в Прип-

ти, всё было нипочём, но и они потом погибали от радиации. Александр Васильевич припомнил случай, как несколько человек, пытаясь угнать "Волгу", не успели выбраться из машины и "спеклись" прямо в салоне... Через полтора месяца Александр Дмитриев перебросили в Белоруссию, где он копал экскаватором могильники для мусора. В общей же сложности на ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС пробыл наш Александр Васильевич чуть больше трёх месяцев, а когда пришла замена, солдат перебросили обратно в Сибирский полк. Тогда как раз и вышел приказ министра обороны об увольнении всех, кому нет тридцати лет. Это означало, что Александр мог возвращаться домой. Все же остальные, кто не подпадал под этот приказ, оставались добирать свою дозу...

- Мой отец и брат служили в армии, - продолжает Александр Васильевич. - Я проходил срочную службу на ядерно-испытательном полигоне в Семипалатинске и никогда не прятался за чужими спинами. Отправили в Чернобыль - значит, так было надо. А я, как сумел, выполнил свой долг.

ТАТЬЯНА НОСОВА.

В ЗОНЕ ОТЧУЖДЕНИЯ...

Для Анатолия Александровича Кырнова Чернобыль начался 5 июля 1987 года. Ему пришла неожиданная повестка из военкомата. Он же в это время спокойно, ничего не подозревая, окупал в огороде картошку.

- Я быстро собрался и поехал в военкомат, - вспоминает тот день Анатолий Александрович. - Надо понять психологию людей, которые шли в то время на выполнение этой задачи. Нам был присущ патриотизм. Никто не прятался, никто не ушел от ответственности...

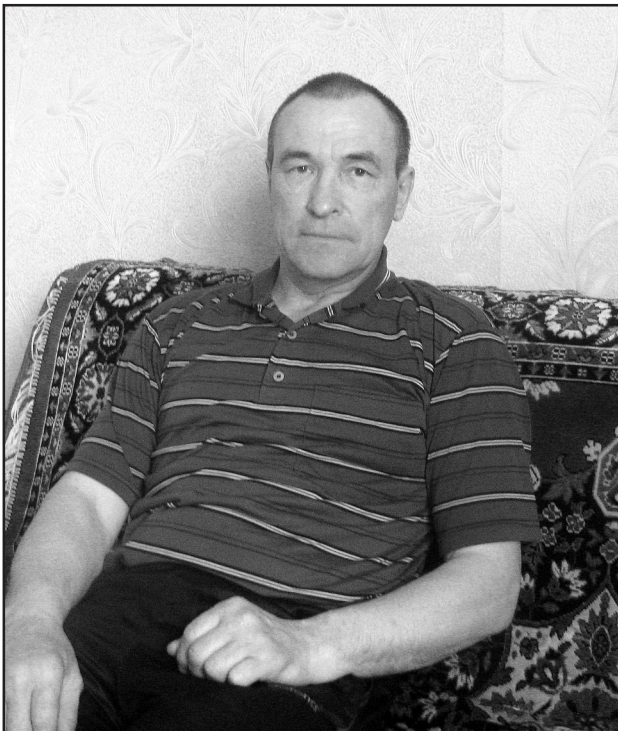
Девятого июля экскаваторщик "Сельхозхимии", отец двоих детей, 27-летний Анатолий Кырнов вместе с другими мужчинами прибыл к месту аварии. Их военная часть располагалась в тридцати километрах от Киева в поселке Иванково. Хоть и жили они в брезентовых палатках, но их быт был хорошо налажен. На момент отправки в командировку никто, конечно же, из срочно призванных резервистов не знал, что такое радиация и насколько она опасна. Насторожились они только по прибытии в 30-километровую зону отчуждения, увидев кругом указатели "Осторожно, радиация!", "В сторону не съезжать!"

- Кто ж знал тогда хоть что-то о настоящей радиации?! - продолжает Анатолий Александрович. - Мы, как и подавляющее большинство людей, не представляли тогда себе всей трагедии. Это теперь знают все, каким жесто-

ким может быть "мирный" атом. Но главное - мы всю работу по нераспространению радиации выполняли с честью и достоинством...

На атомную станцию у Анатолия было десять выездов. Работа велась круглосуточно в три смены. Рабочий день длился восемь часов, но непосредственно на устранение аварии приходилось только два часа. Остальные шесть часов уходило на дорогу, мытье и переодевание. Чтоб в часть не привезти радиацию, необходимо было два раза помыться и два раза, а то и три переодеться. Техника безопасности строго соблюдалась. До 30-километровой зоны ехали на "чистых", то есть не облученных радиацией машинах. На границе этой зоны пересаживались в "грязные" машины, от которых "фонило". Анатолий Кырнов вместе с другими мужчинами в полном смысле этого слова зачищал чернобыльскую зону. На крыше реактора - в зоне максимального риска - срубал он кровлю, которую потом необходимо было нейтрализовать, закопав в глубокую яму. Уровень радиации был на крыше настолько высок, что работать на ней приходилось за смену всего лишь по 30 секунд - и быстро спускаться. За это время ликвидаторы последствий аварии на Чернобыльской АЭС успевали только пару раз топором взмахнуть. Перед каждой сменой им выдавали нако-

пители радиации, с которых потом снимали показания. Показания в обязательном порядке фиксировали в специальном

журнале. Как только у человека набиралось в сумме 10 рентген, его тут же отправляли домой. Также при работе выдавали ликвидаторам индивидуальные средства защиты - так называемые "лепестки", которые они надевали на лицо, чтоб не дышать отравленным воздухом.

Один месяц Анатолий Александрович пробыл в Иванково, а потом его командировали в Гомель-

скую область, в Белоруссию. Здесь он выполнял земляные работы - убирал тридцатисантиметровый грунт земли. Все это, по-

радиация, рассказывали нам приезжающие в часть профессора. В их лекциях красной нитью проходило, что радиация - это враг. Его не видно и не слышно, но он поражает всё. После таких вот лекций мы стали серьезнее относиться к мерам безопасности. Когда же ехали в машину на работу, все молчали: никто не знал, чем может закончиться очередная смена. Мы ведь запросто могли получить большую дозу облучения, но нас страховали те, кто специально измерял уровень радиации в разных местах. Нас об этом заранее предупреждали - и мы уже не совали нос туда, куда нельзя...

Зато очень трудно было пройти нашим сибирякам мимо садов со спелой черешней, мимо яблонь и огородов, в которых росла крупная и очень вкусная вишня. На весь этот урожай был наложен запрет, но мужчины его нарушали и пробовали-таки сочные плоды.

Мы заходили в пус-тоующие дома, - вспоминает Анатолий. - Было видно, что люди в спешке покидали свои жилища, взяв с собой только самое необходимое. Мы знали, что есть ту же черешню было нельзя, но все равно ее пробовали. А вообще кормили нас очень хорошо, намного лучше, чем солдат-срочников. Мы пили "пепси-колу" и "фанту". Кстати, я именно там впервые попробовал "фанту", у нас в Сибири

такого напитка тогда не было. Впервые в Белоруссии я увидел и фонтан. Наверное, сказывалась близость этой республики с европейскими странами. Но несмотря на всю эту красоту и мягкий климат, очень уж хотелось мне домой. Чтоб хоть как-то приблизиться к родной земле, я переписывался с родными...

Фактически пробыл в зоне отчуждения Анатолий Кырнов три месяца. В конце сентября 1987 года вышел приказ: демобилизовать всех, кому меньше тридцати лет. Анатолий попал в их число. На здоровье сегодня он особо не жалуется. Говорит, правда, что ресницы у него выпали и волосы потемнели. После той командировки некоторое время поддерживал он связь с сослуживцами. Вернувшись домой, Анатолий по-другому стал воспринимать жизнь. Стал ее больше ценить, еще нежнее и ласковее стал относиться к жене и детям. В 50 лет он простился со своим верным напарником - трактором и ушел на заслуженный отдых. Сегодня он ухаживает за огородом, обихаживает свой дом и двор, помогает детям и радуется внукам. Но свою командировку в Чернобыль не забудет никогда. Каждый год в день аварии ему вспоминаются товарищи по несчастью, порывавший от радиации сосновый лес и одинокая сосна-обелиск, на которой в годы войны немцы вешали красных партизан...

ОЛЬГА УШАКОВА.